

УДК 316.334.56

DOI 10.52452/18115942_2021_2_86

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ СОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСАХ: НОВЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ И МИКРОЛОКАЛЬНЫЕ ГОРОДСКИЕ РЕЖИМЫ

© 2021 г.

О.В. Нотман

Нотман Ольга Валерьевна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры прикладной социологии
Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
o.v.notman@urfu.ru

*Статья поступила в редакцию 11.12.2020**Статья принята к публикации 15.04.2021*

В мегаполисах как сверхкрупных и сложноорганизованных социотерриториальных системах наиболее проявляются возможности формирования разнообразных конфигураций взаимодействия власти и гражданского общества. В качестве теоретической рамки изучения возможностей реализации модели соуправления в российских мегаполисах использован концепт городских режимов, позволяющий рассматривать соуправление сквозь призму коалиционного взаимодействия широкого спектра акторов и институций. Эмпирической базой послужили данные общероссийских исследований гражданского активизма, развивающегося в условиях укрепления вертикали власти и институционально-правовых барьеров для реализации местного самоуправления. Выделены характерные особенности нового городского активизма: снижение его политической направленности, увеличение значимости и расширение репертуара неформальных (внеинституциональных) активистских практик, прагматизм, ориентация на решение проблем городской повседневности. Делается вывод о том, что наиболее перспективным, реалистичным «полем» для трансформации потенциальной активности местного сообщества в реальное соучастие выступает микролокальное территориальное пространство мегаполиса. Автор предлагает новое понятие – «микролокальный режим», представляющий собой взаимодействие районных администраций с организационными и индивидуальными акторами-резидентами, а также взаимодействие последних друг с другом, ориентированное преимущественно на обеспечение качества непосредственной среды жизнедеятельности. Множественность и разнообразие микролокальных режимов внутри мегаполиса определяются эффектами территориального масштаба и дифференциации уровней управления, а также особенностями городских районов и их резидентов.

Ключевые слова: мегаполис, соуправление, городской режим, гражданский активизм, микролокальный режим.

Введение

Эволюция подходов к анализу городского управления – от элитистских к плюралистическим – обусловлена сложностью и многогранностью социальных, экономических, политических, культурных процессов, протекающих в современных мегаполисах. Современное видение системы городского управления формируется в рамках теории городских режимов [1–3]:

– во-первых, рассматривающей процесс управления сквозь призму кросс-секторального партнерства как эффективного способа «производства» значимых для городского развития результатов;

– во-вторых, акцентирующей внимание на многосубъектности участников управления (не только власти и бизнеса, но и иных стейкхолдеров), которая, с одной стороны, обеспечивает привлечение достаточного объема потенциалов/ресурсов для достижения поставленных целей, но, с другой стороны, значительно усложняет процесс согласования интересов;

– в-третьих, постулирующей многообразие и вариативность приоритетов городского развития и соответствующих им типов режимов (поддержание статус-кво, экономический рост и развитие, сохранение и привлечение человеческого капитала, улучшение качества городской среды и пр.).

Формирующиеся в российских мегаполисах режимы характеризуются комплексом противоречий для достижения соглашений и координации усилий как внутри групп, формально наделенных властью, так и между властными субъектами и бизнес-актерами, а также иными участниками (градозащитные, экологические организации, иные НКО и местные сообщества), представляющими альтернативные интересы в городской политике. Процессы реструктуризации и коммерциализации городского пространства (происходящие в мегаполисах в связи с их глобальными амбициями, девелоперским бумом, ростом розничного и сервисного секторов в городской экономике) обуславливают проявление в наиболее явном виде режимов

экономического роста («машин городского роста»), основанных на коалиционных союзах региональной/муниципальной власти и бизнеса [4]. С другой стороны, именно в мегаполисах как местах концентрации среднего класса – главного носителя прогрессивной идеологии и «ядерного» протестного потенциала – наиболее ярко заявляют о себе общественные движения и гражданские инициативы, противостоящие безудержному росту и выступающие за улучшение качества городской среды, социальные и экологические приоритеты в городском развитии. Безусловно, общественные организации и прогрессивные группы населения не могут претендовать на ведущие позиции в правящих коалициях (в сравнении с «главными» акторами городской политики, располагающими административными и экономическими ресурсами), однако в современных российских мегаполисах они оказывают все более и более возрастающее влияние на трансформацию городской повестки в направлении гуманистических ориентиров.

В.Г. Ледяев, В.Я. Гельман, С.И. Рыженков, Ю.А. Пустовойт, рассматривая «режимную» теорию в проекции российских реалий, отмечают необходимость учета специфических условий становления и развития городских режимов в России – таких, как централизация управления и, соответственно, сужение «коридора» местной автономии; минимизация политической конкуренции; значительное влияние федеральных и региональных институтов на муниципальную власть [3, с. 308–309; 5, с. 133, 141; 6, с. 101]. Такие свойства городских режимов, как стабильность и независимость от внешнего административно-политического давления, в полной мере не могут характеризовать российские локальные режимы. Последние скорее характеризуются как «ограниченные», «появляющиеся», «неустойчивые». Вместе с тем пересечение спектра интересов публичных и частных акторов, наличие разного рода взаимодействий и какого-то уровня кооперации между ними (исходные основания для возникновения любого режима) позволяют использовать более «гибкую» версию теории городских режимов в качестве методологической базы исследования процессов соуправления в российских мегаполисах.

Целью настоящей статьи является обоснование на основе результатов общероссийских исследований городского гражданского активизма нового теоретического конструкта – «микрорегионального режима» внутри мегаполиса, позволяющего обозначить перспективные направления соуправленческого взаимодействия муниципальной власти и местного сообщества.

Методология и данные

Мы рассматриваем возможности реализации модели соуправления в российских мегаполисах, опираясь на теорию городских режимов, развивающую плюралистические подходы к объяснению городского управления. Основатель «режимной» теории Кларенс Стоун, смещая перспективу видения власти от «механизма принуждения и социального контроля» к «механизму социального производства» на основе коллективных договоренностей и координации усилий, конституирует в соответствии с этим такие ключевые признаки городского режима, как наличие формальных и неформальных взаимодействий между акторами, достижение соглашений по фундаментальным вопросам городской повестки – целевым приоритетам, кросс-секторальный характер образованных партнерств и их стабильность/длительность, а также наличие ресурсов для достижения поставленных целей [7]. Адаптируя классические конституирующие признаки городских режимов к современным российским реалиям, мы используем более гибкую версию «режимной» теории, рассматривая соуправление как подвижную (не обязательно обладающую длительностью, устойчивостью и стабильностью) модель взаимодействия городских стейкхолдеров, формирующуюся даже в условиях значительных институционально-правовых барьеров для реализации местного самоуправления. Для обоснования такого менее «жесткого» теоретического конструкта – «микрорегионального режима» – мы основываемся на данных общероссийских исследований гражданского активизма, проведенных Институтом социологии РАН и «Левада-Центром» в период с 2014 по 2020 г., а также локальных опросов населения и представителей муниципальной власти, проведенных в крупнейших мегаполисах – Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге.

Результаты и обсуждение

Существующая на сегодняшний день в России институционально-правовая среда в большей степени является препятствием для формирования вариативности и независимости городских режимов. Курс на усиление политико-административной централизации управления привел к значительному сужению уровня самостоятельности и автономии муниципалитетов [8, с. 75]. Федеральный закон 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (№-131 ФЗ), переживший огромное количество поправок, рав-

но как и такое же количество научной и общественной критики, наделил муниципальные образования ответственностью за решение вопросов местного значения, не обеспечив их необходимыми для этого ресурсами. Изменения федерального законодательства в части фискальной политики имели неблагоприятные последствия для финансовой самостоятельности муниципалитетов, усилив их зависимость от трансфертов из федерального бюджета. В результате поправки к закону о местном самоуправлении (Федеральный закон № 136-ФЗ, 2014 г. [9]), позволяющей главам регионов определять процедуру замещения должности мэров, произошел массовый отказ от прямого голосования жителей и переход к конкурсной процедуре избрания главы городской администрации, которая снижает его зависимость от жителей и в то же время прочнее «привязывает» к региональной власти. К 2020 г. из 15 российских городов-миллионников (исключая мегаполисы федерального значения – Москву и Санкт-Петербург) только в Новосибирске сохранились прямые выборы мэра. В Екатеринбурге прямые выборы мэра были отменены Законодательным собранием Свердловской области в 2018 г. Но уже в 2020 г. областной парламент зарегистрировал и официально принял к рассмотрению законопроект о возвращении прямых выборов, подготовленный инициативной группой граждан. Это пока единственный случай в России, когда народной инициативе удалось преодолеть подписной барьер (свыше 10 000 подписей в поддержку) и довести подготовленный законопроект до стадии официальной регистрации и назначения даты рассмотрения профильной комиссией Законодательного собрания.

Несмотря на то что случай Екатеринбурга – в своем роде уникальный, тем не менее он является определенным «сигналом» об исчерпании общественного запроса на политико-административную централизацию и «огосударствление» местного самоуправления. Подтверждают формирование соответствующих общественных настроений и данные опроса жителей Екатеринбурга, свидетельствующие о том, что возвращение прямых выборов мэра поддерживают 82% респондентов. При этом самая высокая поддержка прямых выборов (88%) наблюдается среди горожан молодого возраста (18–34 лет) [10], являющихся группой «будущего», драйвером развития мегаполиса.

Весьма показательны и результаты общероссийских исследований последних 5–7 лет, свидетельствующие об изменении уровня и характера потенциальной и реальной гражданской активности населения. Данные исследования,

проведенного Институтом социологии РАН в 2014 г. по общероссийской репрезентативной выборке, опровергают распространенную точку зрения об отстраненности, безразличии, пассивности, инертности населения, нежелании «соучаствовать». Результаты опроса показали, что каждый третий респондент готов участвовать в деятельности по благоустройству городской среды, каждый второй – «участвовать в публичных слушаниях и инициативных группах по сбору подписей за или против какого-либо нововведения, строительства». События, происходящие на уровне локальных сообществ, в гораздо большей степени интересуют россиян, нежели региональная и федеральная повестка [11, с. 15]. По сумме политических и неполитических видов гражданского активизма численность «активного» населения превышает численность «инертного» (37% против 29%) [11, с. 11–12]. Типичный представитель «активного» типа – молодой россиянин с высшим образованием, проживающий в крупном городе, относящий себя к среднему слою и являющийся активным пользователем социальных сетей [11, с. 12].

Опросы населения городов-миллионников, проведенные в 2018, 2019, 2020 гг. Аналитическим центром Юрия Левады, также свидетельствуют об имеющемся «поле» для взращивания гражданского активизма [12; 13]. Более высокие показатели гражданской активности во всех формах ее проявления (голосование на выборах, обращения в органы исполнительной власти, подписывание открытых писем и петиций, участие в работе общественных и политических организаций, участие в уличных акциях и митингах и пр.) демонстрирует именно молодежь. Доля молодых россиян в возрасте 16–34 лет, готовых участвовать в разных формах гражданского активизма, значимо выше (на 10–20%) в сравнении со средними показателями по общей выборке населения [13, с. 7–8]. Данные «Левада-Центра» по ряду выявленных детерминант гражданской активности (в частности, наличие высшего образования, включенность в интернет-коммуникации и минимизация федеральных телеканалов как источников информации) согласуются с данными исследований Института социологии РАН. Вместе с тем выявляются и иные параметры, связанные с «открытостью» внешнему миру, – это владение иностранным языком, поездки за границу, интерес к политике. Молодые люди с более высоким уровнем «открытости» внешнему миру отличаются более высокими показателями гражданской вовлеченности (участия как такового). Более высокий уровень информированности (прежде всего за счет интернет-источников, социальных

сетей) сильнее всего связан с такими формами гражданского участия, как «объединение с другими людьми для решения общих проблем, защиты своих прав», «обращение с запросом, жалобой, заявлением в органы власти», «участие в митинге, шествии, пикете, забастовке», «голосование на выборах любого уровня» [13, с. 17].

При интерпретации результатов исследований, посвященных гражданскому активизму в целом и особенно активизму на уровне местного самоуправления, чрезвычайно важно учитывать различия между готовностью проявлять качества активного гражданина (намерениями) и реальным участием (деятельностной активностью). Российские исследования, наряду с «фиксацией» общественного запроса на реальное местное самоуправление, вместе с тем показывают существенный «разрыв» между потенциальной готовностью и реальным гражданским участием. Так, например, Р.В. Петухов, основываясь на данных общероссийского опроса населения, проживающего в различных городских населенных пунктах (от мегаполисов до поселков городского типа), отмечает, что гипотетическая готовность участия в публичных слушаниях по вопросам размещения объектов строительства превышает количество реально участвовавших в подобных мероприятиях граждан более чем в 7 раз (50% против 7%). При 42% выразивших готовность вступить в инициативные группы по сбору подписей «за» либо «против» какой-либо новации, изменения только 7% имели реальный опыт такого участия. При 34% готовых принять участие в работе представительного органа муниципального образования только 4% уже принимали участие. Наименьший же разрыв между потенциальным и реальным участием проявляется на уровне непосредственного места жительства – это деятельность по благоустройству двора (причем 49% уже принимавших участие против 33% готовых к такой активности), собрания собственников жилья многоквартирного дома, членов ТСЖ и т.д. (26% уже участвовавших против 38% готовых участвовать) [14, с. 69].

Таким образом, наблюдается весьма противоречивая картина в плане соответствия существующего интереса населения к происходящим на локальном уровне событиям, потенциальной готовности участвовать в местном самоуправлении реальному проявлению гражданского активизма. Значительный отрыв намерений от реальной вовлеченности населения в решение вопросов местного самоуправления связан с комплексом причин, взаимно интерферирующих друг с другом. Среди наиболее распространенных причин, выявленных в ходе обще-

российских и локальных опросов населения, традиционно выделяются такие причины, как невысокий уровень доверия к местной власти и столь же невысокая оценка эффективности ее деятельности; низкий уровень информированности о возможных формах участия; низкая оценка собственных возможностей повлиять на принимаемые решения; слабая заинтересованность самой муниципальной власти в вовлечении граждан либо формализм в такого рода вовлечениях (их имитационный характер) [15; 16; 17, с. 65; 18, с. 137; 19; 20, с. 27].

Ряд исследователей акцентирует внимание на несовпадении позиций представителей власти и населения в оценке причин, препятствующих их эффективному взаимодействию [15, с. 24; 18; 19, с. 62–63]. В целом несовпадение этих позиций может быть охарактеризовано через модус взаимных «обвинений». Жители в большей степени видят препятствия в незаинтересованности, нежелании местных властей в сотрудничестве. Тогда как представители местной власти основные проблемы взаимодействия связывают с социально-психологическими установками жителей – иждивенчество, ориентация на готовые решения (на организацию извне, а не на самоорганизацию), безразличие к общим делам, индивидуализм и пр. Вместе с тем и те, и другие, помимо разнонаправленных мнений, имеют и точки «пересечения» в оценке отдельных причин – демотиваторов участия населения в процессах городского управления. Среди них – неверие населения в возможность оказывать влияние на принимаемые решения; недостаток знаний, некомпетентность, слабая информированность о возможных вариантах участия; недостаток времени, занятость личными проблемами.

Определенный «разрыв» между властью и населением в оценке барьеров для эффективного сотрудничества не в последнюю очередь выступает фактором укоренения имитационных «отчетных» практик взаимодействия, не удовлетворяющих общественным ожиданиям и в конечном итоге еще более увеличивающих уровень отчуждения жителей от местной власти. Как справедливо подчеркивает О.А. Уржа, повышению конструктивной активности населения способствует работающая обратная связь – когда значительная часть вопросов городского развития, поднимаемых населением, решается или по крайней мере не остается без внимания (официального ответа) [21, с. 16]. В свою очередь, игнорирование властями «низовых» инициатив, принятие ключевых для города решений вопреки мнениям жителей демотивирует их в плане дальнейшего проявления гражданской

активности [21, с. 22]. Тогда как результативные практики самоорганизации, отмечает К.А. Антипьев, способствуют дальнейшему развитию гражданских инициатив местных сообществ, становятся необходимым информационным и организационным ресурсом для последующих активистских проектов и коллективных действий [22, с. 30].

Несмотря на комплекс проблем и барьеров для выстраивания эффективных моделей социального партнерства городской власти и населения, тем не менее в последние несколько лет происходят положительные изменения, связанные именно с фактором активизации гражданского общества. Наиболее очевидные свидетельства таких изменений – рост доли горожан, выражающих желание и готовность участвовать в решении вопросов местного самоуправления; рост социальной активности среди молодежи; консолидация граждан не только в виртуальном пространстве, но и выход образовавшихся интернет-сообществ в реальное пространство; консолидация сообществ на уровне микрорайона, улицы, двора, многоквартирного дома; активизация протестной активности по защите территорий от нежелательной застройки, реконструкции или сноса объектов.

Весьма характерная тенденция трансформации гражданской активности, проявляющаяся в переориентации населения с формальных, закрепленных на законодательном уровне способов участия в городском самоуправлении на менее формальные активистские практики (например, краудфандинг, сетевые районные сообщества, DIY-инициативы) [23; 24], является своеобразным компенсаторным «ответом» на слабость формальных институтов и их неспособность интегрировать горожан с высокими мобилизационными ресурсами. На основе аналитического обзора работ, посвященных российскому локальному активизму, А.А. Желнина и Е.В. Тыканова заключают, что неформальные активистские практики в современной России развиваются с высокой степенью интенсивности, «обгоняя» традиционные формы гражданского участия. Вместе с тем активное гражданское вовлечение «гасится» отсутствием полноценных интерактивных арен для «состыковки» формальных и неформальных гражданских инфраструктур [23, с. 177–178].

В свою очередь, В.В. Петухов, отмечая наметившуюся с 2016–2017 гг. тенденцию возрастания потенциала гражданского участия, подчеркивает, что значимость такого участия в текущем периоде определяется не его массовым характером, а способностью активных граждан

«производить» новые практики общественного участия в условиях кризиса доверия институтам власти и представительной демократии [25, с. 3]. В современной России «живое творчество» населения развивается не как производная от совершенствования публичных институтов, но, наоборот, как следствие блокировки легальными институтами возможностей социального и политического активизма [25, с. 4].

Важной особенностью нового гражданского активизма становится снижение его политически ориентированного компонента в силу закрытости, контролируемости и рискованности данного пространства участия. Д. Волков и А. Колесников, анализируя процессы самоорганизации гражданского общества в крупнейшем мегаполисе страны – Москве, выделяют в связи с этим еще одну характерную особенность: городской гражданский активизм развивается в условиях осознания невозможности принципиально изменить политический порядок в стране (или хотя бы сменить градоначальника демократическим путем), поэтому действия городских активистов становятся все более прагматичными и реалистичными, адаптированными к правилам игры, не требующими невозможного. Освоенные практические навыки в отстаивании своего права на город (сбор подписей, подготовка петиций и жалоб, «подключение» депутатов разных уровней, быстрая мобилизация горожан до официального принятия решений) реализуются не в целях принципиального изменения институциональной матрицы, а преимущественно в целях восстановления справедливости на уровне конкретных ситуаций городской повседневности. Прагматизм городского гражданского активизма проявляется не только в поиске наиболее действенных средств влияния на власть в каждой конкретной ситуации, но и в выборе максимально благоприятных моментов (как, например, грядущие выборы, обостряющие чувствительность власти к запросам населения) для мобилизации ресурсов и выдвижения требований [26, с. 7].

Таким образом, основываясь на данных социологических исследований последних лет, мы приходим к выводу о довольно значительном, но пока не реализованном в полной мере потенциале гражданской активности. Усиление курса на «централизацию», нестабильность законодательной базы, с одной стороны, являются очевидными препятствиями для развития гражданского активизма, но, с другой стороны, не соответствующие общественным запросам процессы «сжимания» местного самоуправления «сверху» стимулируют его развитие «снизу» – со стороны общества – через разнообразные

гражданские инициативы населения. Мы разделяем позицию Л.И. Никовской и И.А. Скалабан о том, что гражданский активизм в современной России имеет потенциал роста во многом благодаря тому, что основная социальная база его формирования – молодые, образованные, профессионально успешные, мобильные и «урбанизированные» группы населения [27, с. 54].

Логика становления нового городского активизма (преимущественно неполитического и внеинституционального) позволяет утверждать, что наиболее перспективным «полем» для превращения потенциальной активности населения в реальное участие выступает локальное территориальное пространство (район, микрорайон, улица проживания), в рамках которого формируется специфический «рисунок» городской среды – в том числе как результат усилий отдельных активистов и «солидаризации» местных сообществ. Проблемы, непосредственно связанные с качеством повседневной среды жизнедеятельности, воспринимаются населением сквозь призму высокой личностной значимости. В силу этого непосредственная среда обитания, на наш взгляд, выступает сегодня главной сферой приложения разного рода гражданских инициатив в пространстве «шаговой доступности» и обретения первоначального опыта самоорганизации, который впоследствии может стимулировать интерес к более масштабным и формализованным видам участия на общегородском уровне.

Фактор дифференциации структуры управления в мегаполисах, а именно наличие районных администраций, в данном случае «работает» на сокращение дистанции между властью и населением, стимулируя делиберативные процессы на уровне внутригородских микротерриторий. Образование внутри мегаполиса «микрокоалиций», включающих чиновников районных администраций, представителей некоммерческих и бизнес-организаций, а также групп общности, в определенном смысле может выступить триггером для формирования общегородских режимов прогрессивной направленности, базирующихся на механизмах партиципации – соучастия местного сообщества в управлении развитием города.

Отталкиваясь от теоретического конструкта «городского режима» как кросс-секторального партнерства для производства социально значимых результатов в управлении городским развитием, мы полагаем, что применительно к мегаполису вполне правомочным будет введение дополнительного понятия – «микрорайонный режим». В отличие от общегородского режима, в значительной степени детерминиремо-

го общенациональным вектором институциональной модернизации и имеющего выраженную политическую повестку, микрорайонные режимы в большей степени ориентированы на повседневную, аполитичную повестку – решение вопросов обеспечения качества и комфортности среды жизнедеятельности на уровне внутригородских территорий. Данные режимы мы определяем как социальное партнерство (взаимодействие) администрации городских районов и широкого спектра организационных и индивидуальных акторов, непосредственно заинтересованных в развитии конкретных внутригородских территорий. Последнее обстоятельство, а именно прямая заинтересованность жителей и территориально «привязанных» коммерческих компаний, общественных организаций (ТОС, ТСЖ) и прочих НКО, на наш взгляд, является ключевым для трансформации потенциала гражданского общества в реальное участие – соуправление на микрорайонном городском уровне.

Микрорайонные режимы, безусловно, складываются либо не складываются в общем институциональном контексте управления мегаполисом, являясь отражением и продолжением общегородских целевых приоритетов. Вместе с тем данные режимы проявляют себя в широком диапазоне вариативности, зависящем от социально-исторических, пространственно-территориальных, культурных, экономических, инфраструктурных особенностей формирования и развития городских районов (микрорайонов), социально-демографических и ценностно-мотивационных характеристик резидентов, определяющих, в свою очередь, уровень и формы гражданского участия в решении вопросов развития внутригородских территорий. При этом на микрорайонном уровне наиболее выражено проявляются эффекты социальной солидарности, интеграции резидентов в сообщества (образуемые как на базе инициативной деятельности по благоустройству среды обитания, так и по поводу отстаивания своих прав на определенное использование городского пространства), а также значительно расширяется репертуар неформальных активистских практик, в рамках которых горожане становятся полноправными субъектами конструирования социально значимых результатов в развитии внутригородских территорий.

Выводы

Российские современные реалии (общенациональный курс на укрепление вертикали власти; двойное «давление» на муниципалитеты со сто-

роны федеральной и региональной власти; постоянные изменения и противоречивость законодательства, создающего институционально-правовые барьеры для реализации местного самоуправления) формируют специфический контекст для становления и развития городских режимов. Российские локальные режимы не отличаются устойчивостью, стабильностью и автономностью, они в значительной степени зависят от административно-политического контроля со стороны вышестоящих структур власти, нежели от внутренней конкуренции между участниками городской «авансены». «Производство» значимых для городского развития результатов находится в прямой зависимости от привлечения внешних средств (из федерального и регионального бюджетов), что ограничивает финансовую и административно-политическую состоятельность/самостоятельность местной власти.

Одним из существенных факторов, сохраняющим перспективы вариативности и относительной независимости городских режимов, выступает включенность местных сообществ в процессы соуправления городским развитием, проявляющаяся в различных формах гражданского активизма как определенного компенсаторного ответа на «урезание» местной автономии со стороны федерального центра и слабую способность муниципальной власти противостоять этому давлению.

Рост потенциала гражданского участия (подтверждаемый результатами общероссийских исследований последних 5–7 лет), особенно среди молодых россиян, отражает «живое» противоречие между усилением централизации и актуализацией общественного запроса на повышение эффективности муниципального управления, в том числе путем расширения возможностей участия гражданского общества в процессах соуправления городским развитием. Наиболее высокий уровень соответствия потенциальной готовности населения участвовать в местном самоуправлении реальному проявлению гражданского активизма наблюдается на уровне микролокального пространства мегаполиса.

Территориальный масштаб и дифференциация уровней управления в мегаполисах, наряду с активизацией формальных и неформальных практик участия резидентов в развитии своих территорий, позволяют рассматривать мегаполис не только в проекции единого общегородского режима, но и в проекции множественности внутригородских микролокальных режимов. Введенное нами понятие микролокального режима (как взаимодействия районных администраций с организационными и индивидуальными акторами-резидентами, а также взаимо-

действия последних друг с другом), с одной стороны, основывается на общих конституирующих признаках городского режима, но, с другой стороны, раскрывается через специфические, характерные только для него атрибутивные признаки. Микролокальные режимы, в отличие от общегородского, проявляют себя как режимы:

- аполитичного типа, ориентированные преимущественно на повседневную повестку – обеспечение качества среды жизнедеятельности внутригородских территорий;

- с широким диапазоном вариативности, зависящим от характерных особенностей конкретных районов и их резидентов;

- с высоким уровнем вовлечения населения и развертыванием делиберативных процессов, субъектности, социальной солидарности и интеграции резидентов в сообщества, а также интенсивным развитием неформальных активистских практик.

Микролокальные режимы, представляющие собой не имитационно-отчетные модели взаимодействия муниципальной власти и населения, а реальные практики самоорганизации и образования коалиционных сообществ по поводу улучшения непосредственной среды жизнедеятельности, на наш взгляд, могут стимулировать развитие общегородских режимов прогрессивной направленности.

Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ РФ (НШ-2722.2020.6).

Список литературы

1. Davies J.S., Imbroscio D.L. Introduction: urban politics in the twenty-first century // *Theories of Urban Politics*. Second edition / Ed. by Jonathan S. Davies and David L. Imbroscio. London: Sage, 2009. P. 1–15.
2. Ледаев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 472 с.
3. Ледаев В.Г. Опыт изучения власти в городских сообществах: российская проекция // *Власть и элиты*. 2015. Т. 2. С. 301–325.
4. Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. № 2. С. 241–256.
5. Гельман В.Я., Рыженков С.И. Локальные режимы, городское управление и «Вертикаль власти» в современной России // *Политическая экспертиза*. 2010. Т. 6. № 4. С. 130–151.
6. Пустовойт Ю.А. Городские политические режимы: координация внутриэлитного взаимодействия в крупных индустриальных городах // *Государствен-*

ное управление. Электронный вестник. 2014. Вып. 46. С. 85–106.

7. Stone C.N. Regime politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989. 314 p.

8. Шкель С., Бедерсон В., Семенов А., Шевцова И. Вертикальный предел: централизация и эффективность управления в городах России // Социологическое обозрение. 2019. №4. С. 74–106.

9. Федеральный закон от 27.05.2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38501/page/1> (дата обращения: 25.11.2020).

10. Мнение екатеринбуржцев об актуальных темах городской новостной повестки. 25 июля – 3 августа 2020 // Сайт Фонда «Социум». URL: <https://fso.cium.com/omnibus-june/> (дата обращения: 25.11.2020).

11. Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9. С. 11–19.

12. Гражданская активность и общественные проблемы. Исследование «Левада-Центра», 27 апреля 2020 года. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/27/grazhdanskaya-aktivnost-i-obshchestvennye-problemy/> (дата обращения: 25.11.2020).

13. Волков Д., Гончаров С., Снеговая М. Гражданский активизм российской молодежи. Аналитический отчет / Левада-Центр. URL: https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2020/10/Youth_RU-publikatsiya-blank.pdf (дата обращения: 25.11.2020).

14. Петухов Р.В. Локальные сообщества и гражданский активизм // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 4 (122). С. 60–71.

15. Яхина Ю.Х., Грипп Э.Х. Роль местного самоуправления в развитии гражданского общества // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2014. № 1. С. 19–25.

16. Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Гражданское участие населения как фактор развития местного

самоуправления в российских муниципальных образованиях // Власть. 2014. № 1. С. 90–94.

17. Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71.

18. Ягодка Н.Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 4. С. 128–140.

19. Фролова Е.В. Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 59–64.

20. Васильева Е.И., Гусельникова О.Ю. Проблемы развития местного самоуправления // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 4 (25). С. 26–32.

21. Уржа О.А. Социальная активность населения муниципальных образований: факторы и условия // Социальная политика и социология. 2013. № 2. Т. 1. С. 7–22.

22. Антипов К.А. Социальный потенциал самоорганизации местных сообществ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2015. № 2. С. 22–31.

23. Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. 162–192.

24. Королева М.Н., Чернова М.А. Городской активизм: управленческие практики как ресурс и барьер развития городских проектов // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 93–101.

25. Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. Т. 45. № 12. С. 3–14.

26. Волков Д., Колесников А. Самоорганизация гражданского общества в Москве. Мотивы, возможности и пределы политизации. М.: Московский Центр Карнеги, 2016. 40 с.

27. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. 2017. № 6. С. 43–60.

POSSIBILITIES FOR IMPLEMENTING A CO-GOVERNANCE MODEL IN RUSSIAN MEGAPOLISES: THE NEW CIVIC ACTIVISM AND MICROLOCAL URBAN REGIMES

O.V. Notman

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

In megapolises, as super-large and complexly organized socio-territorial systems, the possibilities of forming various interactions between authorities and civic society are most clearly manifested. The concept of urban regimes is used as a theoretical framework for studying a model of co-management in Russian megapolises. The theory of urban regimes allows us to examine co-management through the prism of coalition interaction of a wide range of actors and institutions. The empirical base was the data of all-Russian studies of civic activism developing in conditions of strengthening the vertical of power and institutional barriers to the implementation of local self-management. The following characteristic features of the new urban activism are highlighted: a decrease in its political orientation, an increase in the significance and expansion of the repertoire of informal activist practices, pragmatism, an orientation towards solving problems of urban everyday life. The author concludes that the most promising, realistic «field» for transforming the potential activity of the local community into real participation is the micro-local territorial space of the megalopolis. The article proposes a new concept «microlocal regime». This regime is the interaction of district

administrations with organizational and individual resident actors, as well as the interaction of the latter with each other, focused mainly on ensuring the quality of the living environment. The multiplicity and diversity of microlocal regimes within a megapolis are determined by the effects of a territorial scale and differentiation of levels of management, as well as by the characteristics of urban districts and their residents.

Keywords: megapolis, co-governance, urban regime, civic activism, microlocal regime.